

живавшим использование историко-психологического знания в исследованиях прикладной истории.

3.2. ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ СТРУКТУРЫ МЕНТАЛИТЕТА РУССКИХ: АНАЛИЗ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Любая версия структуры менталитета как умозрительной конструкции предполагает экспертизу на основе фактов отечественной истории. Научно обоснованное выделение её компонентов, а также их многозначных выражений, существовавших в умах людей различных исторических эпох, должно стать достойной заменой бессодержательному штампу объяснения – «это случилось потому, что таков менталитет». Наличие корректно составленной структуры давало повод обратиться к процедурам выяснения и уточнения широкого круга внешних и внутренних обстоятельств, предшествовавших, сопровождавших или(и) явившихся следствием исторических событий и процессов, в причинах которых специалисты находили следы их вероятной обусловленности спецификой психологии больших социальных групп¹.

Анализ историографических обзоров и исследований, посвящённых указанной проблеме с вытекающими вопросами о границах применимости понятий менталитета и ментальности, их функциях и пределах изменчивости во времени и пространстве и другие, позволил вычленив общую для встреченных гипотез «ахиллесову пяту» – отсутствие надёжных критериев для построения соответствующей системности. Не удивительно, что сложность её познания множила способы решения.

Исследования по данной теме в большей мере были сосредоточены в области обоснования дефиниций, призванных ла-

---

¹ Воробьёва М. В. Понятие менталитета в культурологических исследованиях. – С. 12.

конично структурировать определяемый объект свойственными ему родовидовыми признаками. В историографических обзорах их отличие друг от друга и смысловая достаточность устанавливались с помощью историко-типологического метода. Указанный инструментарий попутно позволял вычленить весь набор предполагаемых компонентов менталитета, которые считались существенными у представителей, работавших с позиций различных предметных подходов¹. В соответствующих дефинициях выделялись ключевые моменты. Так, в историко-антропологическом подходе у некоторых авторов – это характеристики индивидуального мышления, у других – включались и образцы коллективного образа мысли. В психологическом – операционализация производилась с помощью таких понятий, как: мышление, мотив, ценности, архетипы, стереотипы и другие, конкретизирующих различные уровни психики. В философском толковании подчёркивалась его двойственная природа: онтологически – как реального феномена и гносеологически – как инструмента исследователя, призванного помочь объяснению психологических истоков многомерного устройства общества и тенденций в его истории².

Помимо предметного разграничения, разрабатывалась типология по функциональному признаку, поделившему определения на описательные, нормативные, структурные и генетиче-

---

¹ Еромасова А. А. *Философия и психология: российская ментальность*. – С. 10 - 13; Зулькарнаева Р. З. *Национальный менталитет в условиях трансформации современного российского общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук*. – Уфа, 2004. – С. 11; Мочалов Е. В., Загороднова И. В. *Российский менталитет в социально-философском и историко-культурном осмыслении*. – Саранск: Красный Октябрь, 2008. – С. 8; Прокаева О. Н. *Указ. соч.* – С. 12.

² Кусов В. Г. *Категория ментальности в социологическом измерении // Социологические исследования*. – 2000. – № 9. – С. 133 - 134; Сидорова Е. А. *Трудовые ценности и установки в менталитете русского народа: автореф. дис. ... канд. филос. наук*. – Ростов-на-Дону, 2007. – С. 15; Хромова Е. Б. *Концепция менталитета французской школы «Анналов»: Философско-антропологический аспект: дис. ... канд. филос. наук*. – Чита, 2006. – С. 13 - 14.

ские¹. По существу, указанная методика кроме систематизации имеющихся знаний не вносила должной ясности в понимание структуры менталитета, так как ход рассуждений и сам типологический анализ работали больше на различение схем авторских дефиниций и выделение достоинств каждой, чем на упорядочение всей совокупности вычлененных существенных признаков и отношений. Сказывалась и традиция следовать принципу научности, предполагающему начинать исследование с уточнения понятийного аппарата. За неимением удовлетворяющих определений менталитета авторы преждевременно дедуктивно подходили к её формулировке, изначально открывая путь для включения несущественных или не свойственных ему признаков, хотя решение этой сложной и имеющей ключевое значение проблемы, требующей проверки на широком историко-культурном материале, логичнее было начать с поиска совокупности элементных единиц менталитета.

Сложившаяся ситуация отражала ещё не устоявшуюся в отечественной науке системность знаний и аналитического аппарата, предназначенных для историко-психологической реконструкции процессов и событий. Но уже формировались предпосылки для выхода за пределы односторонних предметных интерпретаций.

Несмотря на то, что некоторые схемы менталитета в историографии уже были кратко прокомментированы, поставим задачу выяснить их доказательную базу и логику построения.

Вступая, таким образом, в диалог с оппонентами, следует обозначить общее для встреченных научных воззрений основание, которое, с одной стороны, должно содействовать взаимопониманию и уверенности в целесообразности полемики, с

---

¹ Воробьёва М. В. Понятие менталитета в культурологических исследованиях. – С. 8 - 10; Додонов Р. А. Этническая ментальность: опыт социально-философского исследования. – Запорожье: РА «Тандем-У», 1998. – С. 72 - 79; Кошкарлова Ю. А. Современные подходы к исследованию феномена ментальности в отечественной науке // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2010. – № 5. – С. 61 - 63.

другой – исполнять роль фильтра, улавливающего противоречивую ему, а значит не внушающую доверия информацию. Полагаем, что подобную миссию можно возложить на утверждение о принадлежности феноменов менталитета и ментальности к сфере бессознательного, которое, как уже установлено, поддерживали подавляющее большинство исследователей.

Особенностью нашей позиции является представление о природе менталитета, которую характеризуют психическое содержание инстинктов и архетипические формы: образы, идеи, мотивы и модели поведения, идентифицирующие врождённое бессознательное¹. Менталитет обуславливает ему соответствующие свойства прижизненно сформированного коллективного подсознания и специфически преломляется в неосознаваемых проявлениях мышления и поведения различных социальных групп (область ментальностей). Их представители, длительно проживая в одной биосферной среде и испытывая воздействие происходящих там событий, приобретают сходные ощущения, восприятия, представления, социальные чувства, эмоции, стереотипы, привычки и навыки.

Данное предуведомление преследует цель избежать повторений при объяснении истоков использованных ниже пояснительных процедур и служит отправной точкой анализа встреченных в историографии подходов к структурированию менталитета. Переходя к анализу последних в контексте историко-психологического знания и с позиций конкретно-исторических методов (историко-сравнительного и историко-типологического), отметим, что исследователи форматировали его в нескольких модификациях: по уровням², в ядерно-сферической конфигурации³ и путём описания как модели¹.

---

¹ Зарубко Е. Ю. Роль архетипов в российском менталитете.

² См.: Вейт А. А. Российский менталитет как предмет философско-антропологического исследования: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Пермь, 2006. – 20 с.

³ Вилков А. А. Менталитет крестьянства и российский политический процесс: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – Саратов, 1998. – С. 13; Усенко О. Г. Указ. соч. – С. 37 - 42.

Остановимся на работах, в которых основным критерием построения интересующей нас системности по уровням были избраны свойства и способы мышления.

Идеи уровневой структуры менталитета

Уровневой структуре менталитета посвящены несколько идей, выделенных нами по признаку наличия весомых доказательств. Одна из них принадлежит О. В. Плебанек², обратившей внимание на гипотезу о фундаментальных типах мышления, связанных с межполушарной асимметрией головного мозга. Считается, что среди населения Запада количественно преобладают экстраверты – с преимущественным развитием рационально-логического мышления, за которое ответственно левое полушарие, а на Востоке и, в частности, в России – интроверты с доминированием эмоционально-образного мыслительного аппарата, локализуемого в зонах правого полушария.

Поддерживая мнения ряда исследователей о существовании двух типов менталитета, обусловленных межполушарной асимметрией, автор фиксирует наличие этих двух специфических способов физиологической организации информации как его первый уровень, предопределивший различия между мыслительными матрицами культурных пространств Запада (экстравертной) и России (интровертной).

Вторым уровнем было заявлено архетипическое основание, элементами которого выступают стереотипические представления о фундаментальных категориях бытия, воплощённых в символических сюжетах. На третьем уровне – эпистемологическом, проявляется особенное для каждого социума понимание истины, смысла жизни, целей деятельности. Четвёртый уро-

---

¹ Лебедева Н. М. Архетип личности в русской культуре // Трибуна русской мысли. – 2002. – № 1. – С. 111 - 113.

² Плебанек О. В. К вопросу о структуре ментальности // Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона / Под ред. А. О. Бороноева. – СПб.: Астерион, 2007. – С. 51 - 53.

вень составили аксиологические основания – кластеры исторически ситуативных ценностей.

Не будет преувеличением подчеркнуть высокую информативность предложенной О. В. Плебанек структуры, аккумулировавшей богатую палитру каналов обнаружения менталитета через мыслительную, деятельностьную, вербальную сферы и доминирующую временную ориентацию социума (к прошлому, настоящему или будущему). В представленную конструкцию были встроены функционально разнородные уровни, что вносило определённое удобство извлекать из соответствующих ниш знаний (из физиологии, о коллективном бессознательном, из теории познания и аксиологии) наработанные аналитические схемы, которые могут быть эквивалентны в эмпирическом и семантическом планах и использованы для объяснения природы менталитета.

Тем не менее в указанную концепцию не вписывался ряд исторических фактов. Не подвергая сомнению гипотезу об избирательном влиянии полушарий мозга на мыслительные способности человека, трудно отказать, к примеру, большой группе российских учёных, интеллектуалам из других сфер деятельности и просто обывателям вправе ощущать ментальную связь со своим народом по причине ярко выраженного у многих из них рационально-логического мышления. Очевидно, в структуре менталитета вышеназванный первый уровень не может находиться в её основании и сам является, как осторожно и в общих чертах предполагали биологи, результатом адаптации психики к социоприродной среде, коррелирующим с «глобальными менталитетами»¹. Эта точка зрения представляется более убедительной, если иметь в виду периодически возникавшие масштабные встречные миграционные потоки населения из Азии и

---

¹ Беломестнова Н. В. Естественно-системные основы ментальности // Современные проблемы Российской ментальности // Материалы Всероссийской научно-практической конференции 24-25 ноября 2005 г. / Отв. ред. В. Е. Семенов. – СПб.: Изд-во «Астерион», 2005. – С. 18 - 19; Мельникова М. И. Крестьянская ментальность как архетип русской души. – Ставрополь: Ставроп. правда, 2006. – С. 63.

Европы, которые, в противном случае, должны были привести народы к ментальной однородности. Впрочем, в работах некоторых авторов отмечалось ощущение высокого уровня названной выше корреляции, и в историографии возобладало мнение о том, что наиболее точно внутренний мир русского человека выражается характеристиками интуитивно-чувственного интроверта¹.

Несомненно, это устойчивое представление «улавливается» научным и обыденным сознанием и сознанием художественной элиты. Так, например, обсуждая вопрос, почему в последнее время И. В. Сталин то и дело «воскресает» на экранах, на сцене, в книгах, С. Юрский очень точно подметил факт связи между актуализацией потребности в мифологизации фигуры правителя и спецификой сознания широких слоев, являющихся его носителями. В частности, одной из причин его реактуализации он называл следующее: «отсутствие ясной мысли, следование чувству. А чувства у нас большей частью смутные, неопределенные. Мы слишком часто действуем эмоционально. Ясной логикой, которой наделен, к примеру, галльский ум, мы не богаты»².

В рассматриваемой идее понятия «менталитет» и «ментальность» не были разведены, но способ обозначения их общей архитектуры через уровни, на наш взгляд, точно указал на занимаемое ими место уже в общей структуре психики. Однако рассуждения автора представляются незавершёнными, так как сохранилась интрига по поводу отсутствия в предложенной конфигурации внутренних скреп, состоящих из пока не названных связей и отношений, которые, собственно, и должны объединять уровни в системность в предлагаемом вертикальном построении. Известно, что упомянутые связи имеют

---

¹ Вельм И. М. Указ. соч. – С. 21; Культурология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Под научн. ред. проф. Г. В. Драча. – Изд. 8-е. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2005. – С. 449.

² Шигарева Ю. Кому нужен Сталин? Интервью с С. Юрским // Аргументы и факты. – 2005. – № 1-2. – С. 3.

разнонаправленную природу. С одной стороны, постоянно идёт процесс вытеснения коллективных переживаний в глубины бессознательного, с другой – ощущается обратное влияние бессознательного на сферу осознанного, и символичное выражение этой динамики (в терминах, смыслах, моделях или в ином виде) могло бы дополнить представление о структуре менталитета.

Следующие три идеи являлись различными версиями построения структуры менталитета, следуя одному и тому же критерию. Им послужило ранжирование уровней по определённым формам существования психической информации. Так, Р. А. Додонов, описывая схему образования этнических ментальных автоматизмов, утверждал, что «наиболее оптимальные приёмы мышления становятся «привычками сознания», аксиомами, очевидность которых получает наследственное закрепление («логический уровень»), далее эта очевидность вытесняется в бессознательное, превращаясь в архетипы («бессознательный уровень») и даже в «осадочный», лишённый непосредственной связи с мышлением, «психоэнергетический уровень»¹.

Теоретический фундамент схемы, составленный из положений юнговской теории архетипов, придавал рассуждениям автора определённую порцию убедительности. Впрочем, «ложкой дёгтя» стала привлечённая гипотеза пассионарности Л. Н. Гумилёва, постулаты которой послужили поводом обозначить в менталитете первичный психоэнергетический уровень. Однако у классика этнологии истоки пассионарности представлялись как акт кратковременного выброса на ограниченной территории особого свойства биохимической энергии, тем самым предопределяя её высокую концентрацию в организмах ограниченной группы индивидуумов – активного меньшинства². То психоэнергетическое начало, якобы способ-

---

¹ Додонов Р. А. Указ. соч. – С. 102 - 110.

² Гумилёв Л. Н. Указ. соч. – С. 543, 545.

ствующее благожелательному контакту людей из различных этнических групп, о котором писал Р. А. Додонов, у Л. Н. Гумилёва относилось к эффектам комплементарности – подсознательной взаимной симпатии и в таком виде не могло характеризовать базовый уровень менталитета. Если перевести транслированные смыслы в плоскость рассматриваемой проблемы, то в этом месте текста речь могла быть о случаях сходства некоторых граней этнических ментальных полей.

Можно согласиться, что основной критерий позволил Р. А. Додонову установить и описать сложный механизм генезиса менталитета (ментальности) в этнических формах, но доказательств корректности выявленной структуры оказалось недостаточно. Кроме упомянутой путаницы в обосновании психоэнергетического уровня, лаконично был обозначен следующий уровень, роль которого как структурного компонента менталитета скудно оказалась прописанной в виде повторения того, как К. Г. Юнг представлял себе сущность архетипов. Не будем упрекать автора в неразделении ключевых понятий, но тем самым относительно динамичные элементы третьего «логического» уровня, как следствие, оказались сконцентрированными только в этническом пространстве, в действительности наиболее консервативном в части возможного пополнения новыми психологическими автоматизмами. В этом плане эквивалентными авторскому «логическому» уровню представляются широко известные в историографии ментальности социальных страт, разделяемые по территориальному, конфессиональному и профессиональному признакам.

К указанной группе следует отнести ещё ряд априорных предположений о структуре менталитета, которые ввиду допущенных моментов эклектичности упоминаются нами как историографические факты. Их авторы, подчёркивая отношение предыдущих уровней к бессознательному, в третий включали формы осознаваемых психических процессов и состояний.

У М. И. Бакурского – это «социокультурные смыслы и стереотипы (идеи, идеологемы, мифологемы, доктрины, убежде-

ния) как целостное сознание общества, определяемое его базисными архетипами»¹. Искусственным выглядело деление архетипов русских на парадигмальные (общинность, широта души, стремление к крайностям) и национально-культурные (духовность, правда – справедливость, державность).

У В. Б. Тихоновой третьим уровнем представлена иерархия ценностей, так как «он формирует «картину мира» – характерные для эпохи установки и представления, осознаваемые и неосознаваемые, модели поведения, образ мысли»².

У И. В. Мостовой и А. П. Скорик – это «социальный отклик на политику, власть, государство»³. Как они полагали, каждый из четырёх обозначенных уровней предопределяет свой культурный архетип, соответственно: партикулярный, духовный, политический, национальный. Работа авторов явилась одним из первых опытов осмысления проблемы, но была допущена вольная в сравнении с юнгианской и, как следует из текста, бездоказательная трактовка архетипа как сферы функционирования актуального настоящего.

Отсутствие смысловых границ в определяемом было характерно для точки зрения Н. Н. Губанова, утверждавшего, что менталитетом является «возникшая на основе генотипа под влиянием природной и социальной среды и в результате собственного духовного творчества субъекта система качественных и количественных социально-психологических особенностей человека или социальной общности»⁴. В дефиниции ключевым оказалось понятие «особенности», к которому достаточно было прибавить любое другое понятие (например, мировоззрение,

---

¹ Бакурский М. И. Российский менталитет и его роль в отечественных модернизационных процессах: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Саратов, 2002. – С. 10.

² Тихонова В. Б. Европейское влияние на эволюцию русского менталитета в XVII в.: автореф. дис. ... канд. культурологии. – СПб., 2008. – С. 8

³ Мостовая И. В., Скорик А. П. Архетипы и ориентиры российской ментальности // Полис. – 1995. – № 4. – С. 71 - 74.

⁴ Губанов Н. Н. Менталитет и формы его проявления в современном обществе: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 2007. – С. 11.

общественное сознание, общественная психология, идеология, духовный мир, образ и стиль мышления, национальный характер, ценностная ориентация, идеал, цель и ещё многие другие), чтобы получить, согласно автору, один из элементов содержания менталитета в виде «особенности мировоззрения», «особенности общественного сознания», «особенности цели» и далее по списку.

Нетрудно увидеть, что структуры, построенные по уровням, являлись типичными для учёных, синонимично употреблявших понятия «менталитет» и «ментальность». Практика вычленения их компонентов по таким критериям, как формы существования психической информации, свойства и способы мышления, логично вела к чрезмерно широкому пониманию искомой конструкции, в которую кроме сферы бессознательного включались и осознаваемые элементы психики, не нуждающиеся в дополнительной идентификации, проявления которых одномоментно подвержены анализу и корректировке со стороны индивида. Полученные результаты оказались уязвимыми для критики.

Идеи сфероцентричной структуры менталитета

У следующей группы исследователей в качестве критерия был избран ценностный взгляд на общество. Отличительной особенностью их творчества в контексте рассматриваемой проблемы явились: неразделение ключевых понятий (менталитет и ментальность), историко-культурный подход к выявлению иерархии ценностей в рамках предполагаемой сфероцентричной модели структуры менталитета и второстепенное внимание к теме архетипов. Указанная модель использовалась гуманитариями благодаря её явным достоинствам, а именно: был предложен новый угол зрения на упорядоченность представляемого духовного феномена, появилась возможность выделения в нём симметричных внутренних связей на основе принципа отражения единства в многообразии.

Обоснование сфероцентричной модели опиралось на идеи астрофизиков, утверждавших о постепенном достижении описываемой системой оптимальных энергозатрат, требуемых для соединения входящих в неё элементов и приведения в максимально устойчивое состояние¹, что в рассматриваемый период в целом было созвучно пониманию природы адаптивных процессов, касающихся социальных сред.

Попытка синтезировать модель структуры, разработанной для реконструкции ряда физических феноменов, с совокупностью многомерных человеческих ценностей оказалась малопродуктивной для некоторых авторов, избравших путь необоснованного умножения сущностей. Так, вызывает сомнение существование, как считал М. В. Лутцев, таких менталитетов, как социально-классовый и религиозный, отмеченные им наряду с этническим². Индивидуальный, общественный и социумный менталитеты различала О. А. Ветрова³. Абсолютизация настоящего времени повлияла на выделение В. Е. Семёновым «базовых российских, русских менталитетов» (транскрипция В. Е. Семёнова): православно-христианского (якобы в настоящее время возрождающегося), коллективистско-социалистического, индивидуалистско-капиталистического, криминально-мафиозного⁴.

Тем не менее следует признать, что другие представители данной группы не придавали забвению значение природных, внешних и внутренних социальных факторов, обуславливавших вектор трансформации ценностей и стереотипов поведения в различные периоды истории. Автоматизмы, обладающие,

---

¹ Гринёва С. В. Менталитет и ментальность современной России. – Невинномысск: СевКавГТУ: Невинномыс. техн. ин-т, 2003. – С. 66 - 67.

² См.: Лутцев М. В. Указ. соч. – С. 7 - 11.

³ Ветрова О. А. Указ. соч. – С. 8.

⁴ Семёнов В. Е. Полиментальность как новый концепт в социально-психологических исследованиях. // Современная психология: состояние и перспективы. Тезисы докладов научной конференции (28-29.01.2002 г.), посвященной 30-летию ИП РАН и 75-летию его основателя Б. Ф. Ломова.. – М.: ИП РАН, 2002. – С. 226 - 229.

как полагали они, системообразующими признаками, составляют ценностно-смысловое ядро менталитета. У русских, согласно А. П. Маркову, оно представлено следующими нормами: низкой значимостью факторов материального благополучия и ориентацией в идеальную, духовную сферу; неукоренённостью в настоящем и обращённостью в прошлое или будущее; доминированием социальных ориентаций в сравнении с индивидуальными¹. Ф. П. Советов, сообщая о существовании ядра менталитета и ментальности, а также ценностного генома, определяющего тип ментальной культуры, в то же время писал об основных структурообразующих ментальных архетипах: соборности, общинности и государственности². Как видим, понятийный ряд составляли слова с родственными смыслами.

Сфера вокруг ядра (в иных вариантах названия – периферия, «цитоплазма») представлялась многослойной, состоящей преимущественно из дихотомических пар социальных, в том числе и нравственных, установок и стереотипов поведения. В их перечне наряду с коллективизмом, добротой, самопожертвованием, трудолюбием, веро- и этнотерпимостью, щедростью, нестяжательством и другими упоминались в осуждающе оценочном контексте патернализм, фатализм, самоуничужение, лень, нигилизм по отношению к власти и церкви, тяготение к крайностям, мессианизм, антипрактичность и т.д.³ Утверждалось, что относительные изменения ментальности в течение длительного времени осуществляются путём наслоения новых смысловых пластов. При этом старые не уходят в небытие, но

¹ Цит. по: Гринёва С. В. Указ. соч. – С. 70.

² Советов Ф. П. Указ. соч. – С. 15 - 17.

³ Корнеева Т. С. Менталитет как социокультурный феномен: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Екатеринбург, 2001. – С. 11 - 12; Полежаев Д. В. Русский менталитет: опыт социально-философского анализа: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Волгоград, 2009. – С. 9 - 10; Трофимов В. К. Истоки и сущность русского национального менталитета (социально-философский аспект). – С. 12, 30 - 34.

продолжают на бессознательном уровне определять поведенческие функции и мыслительные процессы¹.

Уточним характерную деталь. Основным критерий оказался восприимчив к индивидуальному прочтению. Так, выбрав работы русских философов XIX в. в качестве «теоретико-методологической» основы и ключевым массивом источников, в которых отечественная история интерпретировалась в фокусе амбивалентности, усиленном концентрацией внимания на положении крепостных крестьян и других маргинальных групп населения, Г. Л. Цигвинцева защищала популярный в рассматриваемой историографической группе тезис о катастрофизме в развитии России и его коррелирующей связи с качественными характеристиками русского менталитета². Выводом прозвучала идея о поиске на рубеже XX–XXI вв. путей формирования его нового ценностно-смыслового ядра, ангажированная в духе воинствующего либерализма. На приоритете нравственных ценностей менталитета в формировании специфической российской социальности настаивала А. Н. Рёдель, движимая патриотическим настроем на возрождение российской духовной культуры и государственности³.

Если обратить внимание на действительную принадлежность использованных смысловых фигур к известным уровням психики, то окажется, что авторы комбинировали ядерно-сферическую структуру менталитета из разнопорядковых элементов: как из осознаваемых этических ценностей, мировоззренческих установок, так и стереотипов, относимых психологами к области коллективного подсознательного. При таком всеядном подходе было возможно схематичное построение множества комбинаций из предполагаемых взаимосвязей и отношений.

---

¹ Советов Ф. П. Указ. соч. – С. 22.

² Цигвинцева Г. Л. Указ. соч. – С. 9.

³ Рёдель А. И. Духовность в структуре российского менталитета (к вопросу о социокультурной трансформации российского общества): автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 2003. – С. 117.

Идеи модельной структуры менталитета

Третья группа исследователей основным критерием выбрала генерализацию структуры менталитета в антропоморфных и трансформационных моделях. Согласно С. В. Вальцеву¹, антропоморфную модель представляет национальный прототип – образ положительного национального героя, символизирующий личные устремления большинства членов традиционного общества (в подсознании русского человека эту роль выполняют былинные богатыри и знаменитые полководцы). Трансформационной моделью является национальная идея, которая как образ идеального общества передавалась в России из поколения в поколение в идейных символах: Святой Руси (XI–XVI вв.), Третьего Рима (XV–XVII вв.), триады «самодержавие – православие – народность» (XIX в.), коммунистического общества (XX в.).

Общая характеристика моделей конкретизировалась в русле идей С. В. Лурье и других учёных² о ценностных ориентациях – избирательного отношения к тем или иным ценностям, выраженного в поведении и деятельности человека³, устойчивость которых измерялась для той или иной цивилизации историческими эпохами⁴. Осознание превалирования некоторых групп связей и отношений внутри системности русского менталитета позволило С. В. Вальцеву соотнести их по дуальным парам: материальное – духовное, коллективное – индивидуальное – и выделить две базовые ориентации русских: доминиро-

---

¹ Вальцев С. В. Указ. соч. – С. 36 - 38.

² Речь идёт о работах Ф. Т. Аутлевой, Б. С. Гершунского, А. Я. Гуревича, Ю. Б. Смирнова, А. И. Субетто, А. Б. Шатилова, М. Ю. Шевякова и других, в которых указывалось на связь менталитета с ценностными ориентациями этнических общностей.

³ Новиков А. М. Воспитание: что воспитывает в обучающемся? [Электронный ресурс] // Специалист. – 2010. – № 7. – URL: <http://www.anovikov.ru/artikle/vospit.htm> (дата обращения 6.10.2011).

⁴ См.: Сергеева А. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 320 с.

вание духовных ценностей над материальными и преобладание коллективных ценностей над индивидуалистическими¹.

Указанные ценностные ориентации рассматривались как важные связующие каналы в структуре менталитета, техника выявления которых оказалась близка к известным по зарубежной историографии параметрам измерения культуры на, открытость/закрытость; ориентацию на прошедшее, настоящее,

Микула Селянинович:
образ былинного богатыря-
крестьянина

будущее, дистанцирование от власти, простоту/сложность, полихронное/монокронное время и другим². Тем не менее в подобном виде структура менталитета не могла быть признана достаточной, чтобы указать на историко-психологические истоки особенно у различных социальных групп, из которых состоит этническое общество.

Модель нормативной для российской цивилизации личности описал А. В. Лубский на примере характеристик социальности иоанновского человека, общую форму-

лу которого в 1938 г. опубликовал В. Шубарт³. Были выделены такие качества, как: неразделённость и в то же время присутствие внутреннего конфликта между личными интересами с интересами общества; поиск абсолютного добра; сочетание терпимости и покорности со вспышками необузданного и безграничного бунта; мессианство; ценностно-рациональный стиль мышления, ориентированный не на результат, а на стоя-

¹ Вальцев С. В. Указ. соч. – С. 38 - 51.

² Стрельник О. Н. Внутренняя составляющая оснований цивилизации: ментальность // Основания цивилизации: философский анализ / Отв. ред. В. М. Найдыш. – М.: СигналЪ, 2001. – С. 190 - 191.

³ Шубарт В. Европа и душа Востока // Общественные науки и современность. – 1992. – № 6. – С. 84 - 93.

щие за ним ценности; стремление «быть как все»; многомерное чувство соборности; переложение на государство ответственности за свою судьбу и жизнь и другие¹. Как видим, символический иоанновский человек был описан языком и смыслами, взятыми из трудов русских философов XIX – первой половины XX в. Повторение прежних формул, не обогащённых новым содержанием и систематикой, свидетельствовало об исчерпании возможностей классической науки в осмыслении уже известного перечня ценностей и стереотипов русских.

Впрочем, в историографии можно встретить ссылки и упоминания о наукообразной модели – эпилептоидном типе личности, по мнению К. Касьяновой (В. Ф. Чесноковой), характерном для русских². С провозглашением в начале 1990-х гг. плюрализма мнений научное сообщество с долей благосклонности относилось к абсолютизации методов психоанализа³, характерной для отдельных представителей американской психоистории⁴. Отправным моментом суждений автора послужил миннесотский многофакторный личностный опросник, разработанный в США (1941 г.) с целью диагностики психических заболеваний с попутным исследованием довольно широкого личностного контекста путём стандартизации социологических материалов, касающихся большой группы больных и здоровых людей. В середине 1960-х гг. опросник использовался в клиниках Москвы и Ленинграда. Указанная методика, совмещённая с реинтерпретацией литературных и религиозных текстов русской интеллигенции XIX в., была переквалифицирована социологом

---

¹ Лубский А. В. Россия как цивилизация: многомерный конструкт исследования.

² См.: Касьянова К. О русском национальном характере. – М.: Институт национальной модели экономики, 1994. – 267 с.

³ Новиков А. В. Национальный экономический менталитет в контексте российских реформ. Историко-экономический очерк. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. – С. 182.

⁴ Об американской «психоистории», этапах её развития подробнее см.: Могильницкий Б. Г., Николаева И. Ю., Гульбин Г. К. Американская буржуазная «психоистория»: Критический очерк. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. – 272 с.

К. Касьяновой в инструмент для культурологического исследования архетипов, то есть на этой основе произошла имитация методики психоанализа К. Г. Юнга. В итоге все вышеназванные характеристики иоанновского человека вдруг стали типичными для новоявленного эпилептоидного генотипа русской культуры.

Таким образом, в рассматриваемый период был создан ряд моделей менталитета, дополнявших поле аналитических экспериментов по отбору его структурных составляющих. Отметим общую направленность данной группы авторов на создание абстрактного портрета типичного представителя русского этноса по аналогии описания в культурной антропологии модальной личности (статичных черт взрослых членов обществ) или этнопсихологического понятия базовой личности (доминирующего в культуре типа личности)¹. Несомненно, указанные эксперименты были полезны и необходимы, но недостаточны, чтобы предъявить научному сообществу представление о менталитете в формате логически выраженной системности.

*Авторское видение базовых компонентов структуры
менталитета русских в контексте
историко-психологического знания*

В период 1990—2010 гг. научное сообщество существенно приблизилось к решению проблемы структуры менталитета, но, как видим, далеко не весь потенциал полученных знаний был использован. Это даёт право ещё раз обратиться к известным символам, маркирующим пространство врождённого коллективного бессознательного, в котором К. Г. Юнг открыл архетипы, посредством своих форм задающие общие контуры психологического строя (склада) этноса. Рассмотренные ранее умозаключения представителей аналитической психологии мо-

---

¹ Моисеева Н. А., Сороковикова В. И. Менталитет и национальный характер // Социологические исследования. – 2003. – № 2. – С. 50 - 51.

гут быть приняты в качестве теоретического обоснования структуры ментального поля русских.

Изучение исследовательских стратегий дало нам почву для предположения, что решение проблемы лежит не только в плоскости использования современных достижений системологии в исторических и психологических науках. Нельзя обойти базовые пространственно-временные представления русских, доминировавшие в XII–XVII вв. – в период зарождения и становления молодой российской цивилизации, вокруг которых изначально формировалось их этническое самосознание. С помощью приёмов исторической семиотики Ю. М. Лотман в «Слове о полку Игореве» выявил специфичную грань мышления людей – ровесников источника (конец XII в.), у которых движение мысли было направлено не к концу – результату, а к началу – истоку. В вопросах летописца «кто зачал?» и «откуда повелось?» отразилось восприятие «первого» события, никогда не переходящего в разряд воспоминаний, а существующего вечно, обновляя «первообраз» каждым своим новым повторением в поступках других людей, оттого падающим грехом на голову не столько последователей, сколько на душу зачинателя¹. В XX столетии эта грань мышления оказалась востребованной в череде ниспровержений прежних идеологических, научных и других авторитетов.

Эта же грань просматривается, если обратиться к символическому выражению бытовой, светской, религиозной жизни в период этнической молодости русских. Внимание учёных привлекают формулы триединства, которые специалисты относили к проявлениям троичного мышления, бывшего для народа традиционным². У русского человека, проживавшего в сложных

---

¹ Лотман Ю. М. «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // Лотман Ю. М. Избранные статьи. – Таллин: «Александра», 1993. – Т. 3. – С. 345 - 355.

² Баранцев Р. Г. Становление тринитарного мышления. – С. 77 - 84; Кондаков И. В. Архитектоника русской культуры // Общественные науки и современность. – 1999. – № 1. – С. 162; Севастьянов В. Н., Малолеткова И. С. Социальное время России. – Красноярск: КГПУ, 2000. – С. 165 - 167; Чистя-

природных для хозяйствования условиях, в агрессивной внешне-неполитической среде и ощущавшего на себе опосредованное влияние территориальной необъятности, выработалась способность синкретичного и образного восприятия жизненных обстоятельств, интуитивно чувствовать их крайние состояния и одновременно возможности срединного пути, внутренние мотивы примирения. С широким проникновением в начале XVIII в. в интеллектуальную среду России научного рационализма с бинарными объяснительными схемами, отечественные философы и историки активно заимствовали антиномии, и уже в XIX–XX столетиях в общественном сознании стала характерной абсолютизация противоречий, ослабившая внимание к существующей рядом сфере «между»¹. Троичный тип мышления, доминировавший у населения Киевской Руси, княжеств в период Ордынского ига, Московского царства, воспроизводил в симбиозе языческого и православного представлений об устройстве мира его древнеарийское мистическое понимание в троичном измерении: Бог как мир, Бог как таковой, Бог как человек, и, как полагаем, его восприятие в конфигурации архетипических форм и образов, восходящих соответственно: к природному началу (Мать-сыра Земля – символ жизненного круговорота, характерный для многих земледельческих народов), ощущаемому как мир; к архетипу Великий Отец – как собственно божественное и Эго – как форма организации внутреннего мира человека². Отметим, что в сновидениях и фантазиях

ков А. В. Материалы по конструктивной психологии. – К.: PSYLIB, 2001. – С. 44 - 53.

¹ Ахиезер А. С. Сфера Между и её осмысление. – С. 125 - 133.

² Васильева И. А. Архетип материнства в древнеязыческих и христианской культурах и религиях (нарративный аспект): автореф. дис. ... канд. культурологии. – М., 2007. – С. 10; Горбунова М. Г. Указ. соч. – С. 25 - 30. Кондаков И. В. Русская культура: краткий исторический очерк истории и теории. Учебное пособие. – М.: Книжный дом «Университет», 1998. – С. 34 - 26. В троичной формуле Г. Д. Гачева «Космо–Психо–Логос», символизирующей национальную целостность в виде единства национальной природы (Русский космос), национального характера народа (Психея) и склада мышления (Логос), в первом элементе автором подразумевался образ Мать-сыра

членов исследуемых психоаналитиками групп указанные архетипические формы выступали в персонифицированном виде.

Не вызывает сомнений, что в менталитете русских они являются системообразующими, в многозначных образах запечатлевшие, соответственно, природу крестьянского мира, сакральную сущность Вождя и этнического прототипа. Выразить психологические процессы, обусловившие смысловую неисчерпаемость персонифицированных образов, позволяет другая группа архетипов – трансформации, имеющих аналогичную неисчерпаемую информативность, но выраженных типичными ситуациями, мотивами, средствами, моделями поведения¹. Среди их множества пока остановимся на четырёх: Персона, Самость, Договор и Младенец, моменты связности которых с образами уже названных выше архетипов, как полагаем, составляют базовые компоненты структуры менталитета русских (см. таблицу 4).

Отметим, что природа архетипических образов ещё недостаточно полно изучена, как и не в равной степени они удовлетворялись внимания исследователей. Тем не менее образы демонстрируют взаимную близость на сущностном уровне, то есть понимание каждого оказывается невозможным без обращения к смыслам остальных. Всё это даёт основание рассматривать указанные компоненты в качестве взаимосвязанных и базовых в структуре менталитета.

Так, исследователи крестьянства (М. М. Громыко, А. В. Камкин, В. К. Трофимов и другие) констатировали, что в коллективном и индивидуальном сознании народа проявление социоприродного начала ассоциировалось с образом сельского (деревенского) мира – сложившейся в течение многих столетий оптимальной модели духовного, производственного и гражданского единения людей. Её мобилизационный тип развития и

земля – Россия (Российская ментальность. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. – 1994. – № 1. – С. 26 - 27.)

¹ Юнг К. Г. Архетип и символ. Сборник статей / Пер. А. М. Руткевича. – М.: Ренессанс, 1991. – С. 117 - 120.

Таблица 4.

Базовые компоненты структуры менталитета русских в проекции архетипических образов, мотивов, идей, моделей поведения

Архетипы	Мать - сыра Земля	Великий отец	Эго
Персона (является внешним проявлением того, что мы предъявляем реальности)	Мир¹ как модель духовного и материального единения людей	Образ Вождя²	Образ Воина-хлебопашца³
Самость (архетип целостности и порядка)	Мобилизационный тип развития⁴ как модель оптимального соотношения между потребностями и условиями развития мирского	Державность⁵ как образ государственной власти	Душа⁶ как многомерная форма познания сущности внутреннего мира человека
Договор⁷ (архетип возможных отношений)	Правда⁸ высшее воплощение всего положительного	Негласный договор⁹ как модель легитимности власти	Достаток¹⁰ как мера минимальных индивидуальных потребностей
Младенец (выражение эмоциональной неуравновешенности и фантазий)	Идеи обращённости в прошлое и будущее¹¹	«Вручение себя»¹² как модель связи с сакральным	Воля¹³ как идея свободы, соединённой с ощущениями простора

¹ Данилова Л. В., Данилов В. П. Крестьянская ментальность и община. – С. 22 - 39; Камкин А. В. Крестьянский мир на Русском Севере: (Материалы по истории северорусских крестьянских сообществ XVIII века): Учебное пособие. – Вологда: Русь, 1995. С. 5; Громько М. М. Мир русской деревни. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 448 с.; Трофимов В. К. Истоки и сущность русского национального менталитета (социально-философский аспект). – С. 26 - 27.

² См.: Андреева Л. А. Сакрализация и десакрализация власти в истории христианской цивилизации. Латинский Запад и православный Восток. – М.: Ладомир, 2007. – 255 с.

³ См.: Мельникова М. И. Указ. соч.

⁴ См.: Гаман-Голутвина О. В. Тип развития общества как фактор цивилизационной специфики России // Цивилизация. Культура. Личность. / Отв. ред. В. Ж. Келле. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – С. 102 - 123; Фонотов А. Г. Указ. соч.

⁵ Костенко В. И. Общетеоретические государственно-правовые проблемы становления и развития российской политической культуры: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2008. – С. 24 - 38.

⁶ Андреев А. П., Селиванов А. И. Указ. соч. – С. 94.

⁷ См.: Лотман Ю. М. Указ. соч.

⁸ Шатковская Т. В. Указ. соч. – С. 58.

⁹ Кульпин Э. С. Становление системы основных ценностей российской цивилизации // История и современность. – 2008. – № 1. – С. 59.

¹⁰ См.: Марцева Л. М. Указ. соч.; Окольская Л. А. Российская формула труда: исторический экскурс // Человек. – 2006. – № 4. – С. 16 - 30.

¹¹ См.: Алексеев В. В. Национальная идея в России: поиски и обретения // Уральский исторический вестник. – 2011. – № 2. – С. 17 - 25; Дыркова Л. А. Социокультурные трансформации русского мессианства в контексте российской идентификации: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Томск, 2009. – С. 9 - 10.

¹² Афанасьев М. Н. Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. – 2-е изд., доп. – М.: Московский общественный научный фонд, 2000. – С. 54 - 64, 84 - 102, 160 - 180.

¹³ Автор формулы Д. С. Лихачёв. Цит. по: Большаков А. Ю. Феномен русского менталитета: основные направления и методы исследования // Мировосприятие и мирознание русского общества. – Вып. 3. Российская ментальность: методы и проблемы изучения Сб. статей / Отв. ред. А. А. Горский. – М., 1999. – С. 109; Мауль В. Я. Социокультурное пространство русского бунта (по материалам Пугачёвского восстания): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Томск, 2005. – С. 15 - 21.

регулирование отношений с позиций Правды сочетались с идеализированным образом державной власти, прочно и надолго занявшим центр интеллектуального пространства в осмыслении природы российской государственности. При объяснении специфики мобилизационной модели хозяйствования А. Г. Фототов, О. В. Гаман-Голутвина, В. В. Седов и другие авторы акцентировали внимание на её причинно-следственных и иных связях со спецификой государственности, в каких бы формах она ни выступала: самодержавия, партийно-номенклатурного вождизма или вождизма номенклатурного предпринимательства.

Характеризуя модель власти, Ю. М. Лотман утверждал об архетипичности «негласного договора» – системы чётко не фиксируемых, но всеми подразумеваемых взаимных обязательств между властью и обществом. «В русской традиции, – писал он, – договор заимствует свою «крепость» от святыни, которой поручается его хранение. Договор же, не освященный авторитетом неконвенциональной власти веры, «крепости» не имеет. Поэтому слово, данное сатане (или его земным заместителям), надо нарушить»¹. В свою очередь, образ «Вручение себя» указывает на служение безусловным ценностям, например царю, генсеку, свободе, революции, «общему делу» и другим символам, приобретающим ореол святости, которые по различным причинам периодически овладевали массами.

Описание полной структуры менталитета невозможно уже по причине отсутствия данных о количестве архетипических образов, как невозможно описать все их выражения из-за многообразия жизненных ситуаций. Ещё предстоит уяснить включённость общечеловеческих смыслов в этнические архетипические образы. Использование некоторыми авторами таких наукообразных смысловых фантомов, как «русский менталитет» и «смена архетипических платформ»², указывало на ма-

¹ Лотман Ю. М. Указ. соч. – С. 349.

² Воробьёва Е. Ю. Указ. соч. – С. 114.

лоизученную тему общего и особенного в отношении архетипических образов, представляющих основу менталитетов комплементарных этнических сообществ, сформировавших российскую цивилизацию. Функция этих знаний в методологическом отношении заключается в профилактике эффектов аберрации, при которых историк собственные ощущения и изменчивый психологический портрет современной ему эпохи порой некритично переносит на описание и объяснение событий и процессов прошлых исторических периодов.

Подводя итоги анализу проблемы структуры менталитета русских, следует отметить, что в историографии с этой целью использовался спектр типологически разнопорядковых синтагм, осмысление которых было начато ещё в XIX в. Исследователи в обосновании собственных концепций опирались на умозаключения русских мыслителей, а также на достижения современных социально-гуманитарных и естественных наук по вычленению из канвы событийной истории проявлений коллективного бессознательного. Благодаря участию в разработке указанной проблемы представителей различных дисциплин и концептуальных направлений, был существенно усовершенствован понятийный аппарат и расширена теоретическая база, что позволяло переходить к методикам структурирования в режиме полидисциплинарного синтеза.

Подходы к составлению структуры менталитета заключались в построении фигуральных смысловых моделей (уровневой, ядерно-сферической, персонификации идеального образа) и на основе соответствующих им критериев (свойства и способы мышления, ранжирование по формам существования психической информации, описание ценностных ориентаций). Авторы следовали общей стратегии выстраивания сложной конфигурации структуры менталитета из совокупности выделенных психических процессов и состояний, распределяемых по уровням, слоям, пластам в той последовательности, в какой, как они считали, наиболее сильные индивидуальные и коллективные аф-

фекты и страхи должны вытесняться в бессознательное – в направлении наиболее устойчивого ядра (архетипам).

Впрочем, отмеченные познавательные достоинства каждой из указанных моделей не могли уравновесить собой общий существенный недостаток – включение в искомую структуру всех форм проявления психики и социокультурных феноменов, и недостаточное внимание к обозначению каналов устойчивых между ними связей и отношений. Разработанные схемы, в информативном плане взаимно дополнявшие друг друга, не строго ориентировались на общую структуру психики, поэтому не во всех концепциях нашёл своё место уровень врождённого бессознательного, известный психологам и, по сути, объяснимый как психофизиологический феномен. Позиции игнорирования различий между менталитетом и ментальностями, и особенно – ошибочного причисления к периферии структурной иерархии некоторых элементов осознанного, нередко страдали эклектичностью и становились уязвимыми для критики, так как искусственно стиралась грань между осознаваемым и бессознательным, логическим и иррациональным.

На этом фоне перспективной кажется идея о согласованности с накопленным в историко-психологическом знании аналитическим и фактическим багажом представленной нами горизонтальной структуры менталитета, состоящей из композиции функционально взаимосвязанных архетипических образов, мотивов, идей и моделей поведения, отложившихся в этническом самосознании русских в схемах троичного типа мышления, воспроизводивших представления об устройстве мира в ранний период этногенеза.
